

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

ГУЛЯЙ, ОДНОВА ЖИВЕМ?

КТО скажет, что кинофестивали не нужны? Нужны, хотя бы для того, чтобы нам самим выполнять профессиональный минимум: смотреть работы друг друга.

Последние годы я с удовольствием хожу в Дом кино: там все время что-то с блеском

организовывают. Я лично очень благодарен Рудинштейну за его «Кинотавр», где оценили мой собственный режиссерский дебют. И все же самый фестивальный праздник в Отечестве — явление сегодня немного нелепое.

Ну, худо-бедно, едут к нам мировые звезды, следовательно, и худо, и бедно, выходим на мировой уровень. Раз так, значит, главной целью становится необходимость «себя показать». Разумно. Вот только чем «брать» зарубежного партнера? Фильмами, тусовками? Кто во что горазд?

Мне часто звонят с просьбой: «Приезжает звезда такая-то. Не возьмете ли на три дня?» — «Нет, — отвечаю, — не возьму». Причина лишь одна: я звезду знаю, а она меня нет. Кто я для нее в таком случае буду? Официант? Развлекатель? Просто нормальный человек? Никакие патриотические чувства во мне не будятся. Ну, поговорю я с ней о перестройке, выпьем, покуражимся, но ведь хочется объяснить: я тоже актер. Хотя, конечно, можно поутру с легкого обоюдного похмелья завести звезду куда-нибудь, показать свое кино и услышать в ответ вежливое: «Здорово!».

Я вовсе не склонен комплексовать, не в нашей советской убогости дело. Драма в другом: мы слишком разные с миром. Не про уровень благополучия речь, не про количество вечерних туалетов. Менталитет у России

особый во все времена. И кино поэтому особое. Сегодня все время спрашивают: «Можно ли проникнуть на европейский рынок со своими фильмами?». С одной картиной можно, с двумя, с десятью можно. (Причем я не уверен, что это будут лучшие картины!). А вообще навряд ли. Киномир сам может поставить Солженицына. Но постановка — это не просто попытка камеры оживить сюжет. Солженицын — наши недуги, наша боль, и мы его должны рассказывать на его, то есть на своем, русском языке. У нас и лица другие, и монологи. Только за чертой нашей границы это оказывается малоинтересным. Однако не интересно миру и польское кино, и венгерское, и болгарское. Все понятно: Восточная Европа слишком долго находилась в изоляции. Слишком долго оставалась непознанной драгоценная кладовая ее культуры для Западной Европы и всех остальных. Поэтому никакая коммерция, никакой рынок нас «не поженят».

Тем не менее пока еще к нам едут, несмотря на гостиничный, гастрономический и политический дискомфорт. Едут, потому что чувствуют: в России все делается от сердца. А такого рода поступки везде — дефицит. Но что у нас делается от сердца?

О, эта русская тусовка — суть причудливого русского характера. О, это полужабытое, исконно российское понятие «богема», где актеры общались, обсуждали, боготворили друг друга. «Тусовок» у нас богемных сегодня «пруд пруди». Поманем в связи с этим русский менталитет, напомним вскользь: начинается возрождение России. И все же внутреннее чувство подсказывает мне: Россия тут не при чем. В той салонной, блоковской России и говорили не о том, и пили медленнее, и держались достойно.

Ни в чем, безусловно, не виноваты наши конкурсы красоты, ни в чем не хочу винить наши фестивальные празднества, но опять чудится: идем мы в них не своим путем,

идем следом за ними, и не возрождение это, скорее, нечто сродни аляповатому плагиату. Бесспорно, тезис «гуляй, мужик, одна живем» опять-таки из области российских заповедей, но, повторюсь, и достоинство — черта россиян. Предложение «гуляй, одна живем» без достоинства — лозунг уже иной формации.

Вот снаряжается с пышностью великой новый фестивальный корабль с соблазнительным маршрутом, вот 600 прокатчиков едут за границу. Ничего дурного в этих фактах я не вижу, и все же, по-моему, люди интеллектуального труда должны понимать: это не есть норма. Допускаю, что мне, занудно поучающему, возразят: давно у нас не было праздников! И тут же все свалят на Пушкина.

Но Пушкин не про это говорил, у него все герои во время чумы находились в совершенно равных условиях. У нас же сегодня не столько «Пир во время чумы» Александра Пушкина, сколько «Большая жратва» Марко Феррери. Одни едят досыта и пьют с криками «Одна живем, и смерть уже близка», другим, кажется, вскоре совсем нечего будет есть. У умирающих от голода и погибающих от переизбытка условия разные, не так ли?

Тем не менее как жить — не знаю. Дальше невеселых рассуждений дело не идет. Хотелось бы держаться потише и подостойнее. Чтобы побольше искусства и поменьше шума: кино мы снимаем все больше про свои беды и горести. Они, конечно, надоедают. Вокруг все только и кричат: «Хватит чернухи, светлуху хотим!». Только как ее снимать, светлуху, если ты голоден или, наоборот, наелся до отвала, если ты зол, и в воздухе висит ненависть, и тянет всех разоблачать? А веселиться, конечно, можно, но тихонечко, скорее для того, чтобы не падать духом и обязательно с оглядкой на унылый пейзаж за окном, на наше законное бытие.

Леонид ФИЛАТОВ.

11.04.91

Филатов Л.